

УДК 140.8

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.112>

Теолого-философские воззрения мусульманских богословов Поволжья на иноверческое окружение в XVIII – начало XX в.

Р. А. Фатхуллин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация;
Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования связана с изучением российской модели межконфессиональных отношений, эволюция которой произошла в результате социокультурного развития российского общества в XVIII – начале XX в. Показана палитра теолого-философских воззрений мусульманских богословов на иноверческое окружение, нашедшая отражение не только в правовых вопросах, но и в вопросах конфессиональной эксклюзивности. При этом позицию большинства мусульманских богословов в первую очередь необходимо представлять не как проявление религиозной нетерпимости, а как попытку рассмотрения данных отношений в научной плоскости.

Ключевые слова: ислам, христианство, иноверческое окружение, спасение, джадидизм, кадимизм.

Для цитирования: Фатхуллин Р. А. Теолого-философские воззрения мусульманских богословов Поволжья на иноверческое окружение в XVIII – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 112–120. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.112>

Введение. Особенности развития межрелигиозных отношений в рассматриваемый период определяются спецификой распространения ислама в евразийском пространстве, в частности в Поволжском регионе, а также выстраиванием исламо-христианских отношений. Мирное принятие ислама булгарами (922 г.), толерантная религиозная политика чингизидов, гибкость и восприимчивость местных особенностей мазхабом Абу Ханифа, попытки насильственной христианизации мусульманского населения, изменений религиозной политики Российского государства в связи с принятием указа Екатерины II о веротерпимости (1773 г.), когда ислам из статуса гонимой религии переходит в положение официально признанного вероисповедания, и другие факторы легли в основу формирования исламо-христианских отношений и развития исламской богословской мысли.

Правовые вопросы. Татарские богословы в отношении иноверческого окружения заняли различные позиции. Жесткая позиция части татарских богословов по отношению к иноверческому окружению была выражена ‘Абдаррахимом ал-Булгари, который видел в усилении межконфессионального взаимодействия угрозу принятия мусульманами неисламского образа

жизни, что в конечном итоге может привести не только к разложению мусульманского общества (пристрастие к алкоголю и роскоши, что прямо противоречит установкам шариата), но и к вероотступничеству [14, с. 279–280].

При этом У. Беляева говорит о том, что он толерантно относился к представителям других религий [6, с. 8–9].

‘Абдаррахим ал-Булгари в своем трактате «Рисала-и дигага» запрещал использование кожи, выделанной христианами, но не по причине интолерантности, а в силу несоблюдения христианами требований ислама к технологии выработки кожи, что делало использование запрещенным с точки зрения шариата [6, с. 46–47].

‘Абдаррахим ал-Булгари запрещает не только употребление алкоголя и торговлю им («Рисала фи л-шриба»), но и употребление чая («Рисала фи замм шурб-и чай»), а также использование самоваров и обычай класть сахар в чай [14, с. 287]. Для него это являлось не только запретным нововведением¹, но представлялось первым шагом на пути к вероотступничеству. Также он выступал против сотрудничества с русскими в сфере торговли, несмотря на то что она приносила прибыль татарам [14, с. 14]. Он порицал мероприятия, в которых происходило смешение полов, использование шелковой одежды, поминки по прошествии трех, семи, сорока и ста дней, так как в этом видел уподобление немусульманам, порицал гомосексуальные отношения, общение с «безбородыми», т. е. выступал против тех вещей, которые были запрещены шариатом [14, с. 283].

Г. Буби пишет о падении нравов среди учеников медресе (употребление алкоголя и курение), на которых оказывало влияние иноверческое социокультурное окружение [9, с. 54], но при этом допускал выплату закята² с немусульман с целью предрасположения их к исламу [Там же, с. 99].

Муртаза бин Кутлугуш ас-Симити (умер в 1723–1724 гг.) выступал против межконфессиональных браков мусульман с христианками и против покупки мяса животных, зарезанных русскими [14, с. 304–305]. В этом с ним согласен Ш. Марджани, который в «Тазкират ал-муниб би ‘адам тазкийят ахл ас-салиб» также запрещал браки с православными и употребление мяса животного, заколотого ими, поскольку считал, что они не относятся к категории ахль-китаб (вопрос поклонения иконам), здесь вопрос касается сферы исламского права, а не межконфессиональных отношений [2, с. 508]. В этом вопросе Марджани отклоняется от позиции муфтията, ориентированного на кооперацию с русскими, на том основании, что прежние ученые признавали русских как «людей писания», разрешая упомянутые вещи. Поэтому мнение Марджани в данном случае показывает, что он, несмотря на многие точки соприкосновения обеих культур в общественной жизни, хотел сохранить самостоятельность мусульманской общины в этнической, частной и семейной сферах [12, с. 178].

¹ ‘Абдаррахим ал-Булгари относится к той категории ученых, которые любые нововведения рассматривают как религиозную ересь, даже если они касаются бытовой сферы жизни.

² Обязательная выплата в 2,5 % с обеспеченных мусульман.

Как отмечает Р. К. Адыгамов, Ш. Марджани не ратовал за абсолютный запрет межконфессиональных браков: по его мнению, если убеждения христианки совпадают с учением о единобожии в исламе, то брак с ней будет разрешенным, но на это можно ответить, что в этом случае она будет уже мусульманкой [2, с. 508]. Мнение Ш. Марджани необходимо рассматривать в конкретных исторических рамках, когда татарский народ, потерявший в XVI в. свою государственность, стремился любыми средствами сохранить свою этно-конфессиональную самобытность и постановления шариата были одним из инструментов, которые давали возможность достичь этой цели [1].

При этом в труде «Хакк ал-ма‘рифат» (1880 г.) Ш. Марджани легитимировал совместную работу мусульман с немусульманскими учреждениями (вопрос об указных муллах, коранический пример пророка Юсуфа (Иосифа)), развивал контакты с представителями русской культуры, такими как И. Готвальд, И. Н. Березин и А. Казембек. Марджани, как и Каюм Насыри, являлся членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был преподавателем религии и доцентом по истории ислама в Казанской учительской школе в 1876–1884 гг., призывал мусульман России изучать язык господствующего народа и точно знать законы страны для приобщения мусульман к русскому обществу, без полного восприятия языка и обрядов иноверцев, призывал к изучению европейской науки и ремесел. При этом Марджани не допускал потери собственной мусульманской идентичности в частной и семейной сферах [14, с. 596–601].

Ярый представитель кадимизма ишан Дин-Мухаммедов считал, что подражание немусульманам в одежде, обычаях, манерах есть проявление неверия, а обучение в медресе должно вестись на арабском языке, в котором он видел сакральный смысл. Он призывал не иметь никаких отношений с джадидами, вплоть до того что запрещал браки с ними, косвенно лишая их статуса верующих [13]. Ввиду того что кадимисты наделяли арабский язык сакральностью, реформу джадидов в сфере мусульманского образования рассматривали как покушение на основы веры, и борьба между ними приобрела не только идеологический, но и социально-политический характер [8, с. 93].

Хибаталлах ал-Каргалый (1796–1867 гг.) пишет об общественных интересах и выступает против несправедливости власти, причем в эту категорию включает и чиновников ОМДС. Проблему он видит вне мусульманском окружении, в котором высокие нормы мусульманской морали трудно реализуемы на практике, но на первое место ставит борьбу со своим собственным эго [14, с. 200–202].

Противоположную позицию представляет суфийский поэт Абу л-Маних ал-Каргалый (около 1782 – после 1833 г.). Он считал православных монотеистами и подчеркивал близость их и мусульманских духовных практик [14, с. 211].

В книге «Рисала фи никах ал-китабийя» (автор неизвестен) указано, несмотря на то что русские молятся перед иконами и считают Иисуса сыном Бога, несмотря на различные мнения по этому вопросу, он относит их к монотеистам, поскольку они признают единство Бога, имеют ниспосланную

книгу и пророка в лице Иисуса, подтверждая свои доводы ссылкой на Коран – аят 5:5, где разрешение приходит в общем виде [14, с. 396–398].

Г. Баязитов (1846–1911 гг.) в своих работах «Ислам и прогресс» (Санкт-Петербург, 1898 г.), «Отношение Ислама к науке и иноверцам» (Санкт-Петербург, 1906 г.) и других подчеркивал согласие с идеями толерантности всех мировых религий, при этом обращал внимание на опасность вольных трактовок основных религиозных и моральных требований религий, в том числе и ислама [7, с. 77–78].

Баязитов говорит, что ислам признает Моисея и Иисуса, разрешает женитьбу на иудейках и христианках и употребление мяса животных, забитых представителями авраамических религий. Запрещает насильственное обращение в ислам, ссылаясь на аят 2:256 и упоминая историю о том, что среди иудейского племени бану ан-Надыр были дети ансаров (коренных жителей Медины) – мусульман, которых родители отдавали во искупление обета (если ребенок рождался здоровым, то давали обет передать его иудеям), и их дети принимали иудаизм. Во время переселения иудеев из Медины родственники-мусульмане этих детей хотели удержать от переселения, но Мухаммад запретил им это [4, с. 80–82].

Г. Баязитов приводит указ Мухаммада о привилегиях, данных христианам, где повелевается мусульманам охранять их от внешних и внутренних врагов; объявляется неприкосновенность религиозных сооружений, помощь в их ремонте; закрепляется минимальный налог, в связи с чем на мужчин-христиан не возлагается военная служба; гарантируется защита от обид и притеснения; вводится запрет на принуждение христианок к бракам с мусульманами и отказ от своей веры. В ответ христианам запрещено каким бы то ни было образом помогать врагам мусульман [4, с. 86–92].

Г. Баязитов своей деятельностью стремился найти цивилизованные методы смягчения и преодоления межконфессиональной напряженности и освоения толерантной культуры и отмечает, что веротерпимость – это один из основных принципов ислама [19, с. 26].

И. Гаспринский (1851–1914 гг.) считал, что ислам на территории России есть особый историко-культурный феномен объединения мусульманских народов в рамках единой империи, который может стать примером для остальных мусульман [3, с. 415]. З. Камали (1873–1942 гг.) отмечал, что в области этики все религии едины и призывают к добру, милосердию, справедливости и любви между людьми [12, с. 321].

Представитель кадимизма И. Динмухаметов выступал за избирательный подход к изучению русского языка, полагая, что в деревнях это принесет больше вреда, чем пользы, а обучение в городах должно проводиться под надзором полиции и только тех, кто уже окреп в вере [8, с. 94].

Он был сторонником абсолютной автономии от иноверческого окружения, в том числе был против получения материальной помощи и литературы от государства. В противовес джадидам предлагал продолжать обучение по бухарской системе. При этом кадимисты работали с властями. Например, Г. Мухутдинов помогал в переписи 1897 г., был членом губернского собра-

ния, т. е. о заявленной полной автономии в реальных условиях говорить не приходилось [8, с. 94–95].

Вопрос конфессиональной эксклюзивности. М. Бигиев (1873–1949 гг.) в книге «Рәхмәт илаһия борһаннары» предложил концепцию всеохватности божественного милосердия (т. е. в конечном итоге спасется все человечество), выступил против укоренившегося в религиозном сознании татар-мусульман (что соответствует традиционной суннитской догматике ислама) чувства духовного превосходства над русскими-христианами, поскольку основной целью религий считал достижение социального блага, а это и есть божественная воля. М. Бигиев полагал, что в основе традиционной концепции лежит принцип «свой – чужой», что является неблагоприятным фактором, так как самоуспокоение татарского народа (богоизбранность) приводит к застою [5, с. 11, 72–73]. Бигиев нашел поддержку своих идей в трудах мистиков-суфиев [12, с. 336].

С критикой его идеи выступили многие богословы того времени, в том числе и И. Гаспринский в газете «Гарджуман»; опровержение Бигиеву написал и мустафа Сабри – последний шейхульислам Османской империи. Разница между ними была в понимании суры Худ – аяты 106-107: Бигиев интерпретировал так, что Аллах наказывает, *если* пожелает, а Сабри считал, что Аллах наказывает *кого* пожелает [5, с. 58–61]. М. Бигиев характеризует русский народ как честный и справедливый, несмотря на действия руководства страны и миссионеров [5, с. 123–124].

Известные мусульманские богословы Абу Хамид Аль-Газали (1058–1111 гг.) и Мухаммед Рашид Рида (1865–1935 гг.) видели возможность спасения немусульман при следующем условии: навечно в ад попадут только те, до кого дошел ислам в неискаженном виде, но они его осознанно отвергли, хотя и для них остается возможность прощения Создателя [16, с. 32–45]. Основанием спасения служит чистая искренняя вера в Бога, Судный день и благие дела. Аль-Газали относит к неверным тех, кто на онтологическом уровне сознательно отвергает ислам, одна из причин – стремление к материальным благам. Рашид Рида считает, что те, до кого не дошел призыв ислама, в Судный день будут отвечать перед Создателем, который и примет решение об их участи [16, с. 32, 37–38]. При этом данную позицию разделяли такие реформаторы, как Ибн Кайим ал-Джаузия и Ибн Таймийя, которые заявляли, что концепция всеобщего спасения является допустимым мнением среди суннитов наравне с традиционным среди «салафитов» (современное пуританское течение за очищение ислама), для которых они считаются авторитетами. При этом известный «салафитский» хадисовед аль-Албани считает хадисы (высказывания Мухаммада) в пользу конечности адского наказания слабыми и неприемлемыми и, соответственно, отрицает законность данного мнения [18, с. 132].

Бигиев предлагал включить в программу обучения шакирдов тексты Ветхого и Нового Заветов – не с целью полемики, а для лучшего понимания аятов Корана, рассказывающих о ветхозаветных пророках [10, с. 142], что на современном этапе не реализовано ни в одном российском исламском учебном заведении.

Т. Ибрагим отдельно отмечает плюралистическую трактовку веры мистиками-суфиями школы Ибн-Араби, которая временами граничит с религиозным индифферентизмом. Поэтому он предлагает рассуждать не о «сути» ислама, а о доминирующей в данный период его интерпретации [11, с. 308].

Выводы. В условиях поликонфессионального государства власть пыталась встроить царя в каждую религиозную систему (ислам, буддизм), при этом служителям культа предписывалось в своих проповедях и молитвах только благим словом помянуть царя и государство Российское [17, с. 326–327]. Отношения России и покоренных народов выстраивались по принципу «веротерпимость в обмен на лояльность к правящей династии». Поэтому представители официального духовенства и ученых кругов относили русских к «людям писания», но ученые, муллы, оппозиционные к муфтияту, выступали против любых отношений с русскими, что проявилось в их произведениях и ответах на религиозно-правовые вопросы [14, с. 394]. При этом обе стороны согласны в том, что терпимое и уважительное отношение к иноверцам вовсе не означает признание их религий истинными, однако толерантность и уважение к выбору верующего признается исламом [15, с. 23].

Надо отметить, что, несмотря на наличие социально-политических конфликтов, на территории Поволжья религиозных войн не было и шло планомерное формирование межконфессиональных отношений в контексте социокультурного развития российского общества в XVIII – начале XX в., которые в дальнейшем станут прообразом российской модели межконфессиональных отношений.

Список литературы

1. *Адыгамов Р. К.* Богословский аспект межэтнических и межконфессиональных браков в трудах мусульманских мыслителей. URL: <http://islam-portal.ru/m/stat/100/6999/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. *Адыгамов Р. К.* Проблемы исламского права в наследии Шигабутдина Марджани // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12(2). С. 499–510. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-499-510>.
3. *Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К.* Российский ислам. Очерки истории и культуры. М. : ИВ РАН, 2018. 456 с.
4. *Баязитов А.* Отношение ислама к науке и иноверцам. СПб. : Типография А. С. Суворова 1887. 105 с.
5. *Бигиев Муса Д.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / пер с осман. Казань : Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.
6. *Габдрахим Утыз-Имяни.* Избранное / пер. с араб. Р. К. Адыгамов. Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. 320 с.
7. *Газизуллин Ф. Г.* Актуальность трудов Атауллы Баязитова для формирования толерантного сознания в современных условиях // *Проблемы современной экономики*. 2013. № 4 (48). С. 77–78.
8. *Галлямов Д. Ф.* Исторические дискурсы тюрко-мусульманской идеологии второй половины XIX – начала XX столетий // *Проблемы востоковедения*. 2011. № 2 (52). С. 90–96.
9. *Закиров Д. Г.* Религиозно-философские взгляды Габдуллы Буби (1871–1922): дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14. Казань, 2018. 183 с.
10. *Зарипов И. А.* Концепция исламского университета Мусы Бигиева // *Ислам в современном мире*. 2016. Т. 12, № 2. С. 137–144.

11. *Ибрагим Т. К.* Ислам и однобокая модернизация: «Не произошло освобождения от средневековья» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3 (35). С. 301–317. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-300-317>.
12. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. 374 с.
13. *Карпенкова Т. В.* Попытка модернизации ислама в России в XIX – начале XX веков // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 3 (7). С. 29–32.
14. *Кемпер М.* Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством : пер. с нем. Казань : Рос. ислам. ун-т, 2008. 655 с.
15. *Керимов М. М., Керимова Б. С., Гадаев В. Ю.* Исламский мир и развитие духовности общества // Исламоведение. 2013. № 1. С. 20–28.
16. *Мухетдинов Д. В.* Проблема всеобщего спасения в учении Рашида Риды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23, № 1. С. 32–45. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-32-45>.
17. *Трепавлов В.* Русский царь в нехристианских культурах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2(35). С. 222–240. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-222-240>.
18. *Шагавиев Д. А.* Трактовки хадиса о расколе уммы в трудах татарских реформаторов ислама // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 2 : Гуманитарные науки. С. 127–133.
19. *Шангарев Р. Р.* Татарская культура и пути ее модернизации в трудах Гатаулы Баязитова : конец XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Казань, 2017. 211 с.

Theological and Philosophical Views of Muslim Theologians of the Volga Region to the Heterodox Environment in the 18th – Early 20th Century

R. A. Fatkhullin

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation*

Abstract. The relevance of the study is due to the study of the Russian model of interfaith relations, the evolution of which occurred as a result of the socio-cultural development of Russian society in the 18th – early 20th centuries. The article shows a range of theological and philosophical views of Muslim theologians to the heterodox environment, which is reflected not only in legal issues but also in the issues of confessional exclusivity. At the same time, the position of the majority of Muslim theologians should be primarily considered not as a manifestation of religious intolerance but as an attempt to consider these relations in a scientific focus.

Keywords: Islam, Christianity, heterodox environment, salvation, Jadidism, Kadimism.

For citation: Fatkhullin R.A. Theological and Philosophical Views of Muslim Theologians of the Volga Region to the Heterodox Environment in the 18th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 112–120. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.112> (in Russian)

References

1. Adygamov R.K. *Bogoslovskij aspekt mezhetnicheskikh i mezkhkonal'nykh brakov v trudah musul'manskih myslitelej* [Theological Aspect of Interethnic and Interfaith Marriages in the Works of Muslim Thinkers]. Available at: <http://islam-portal.ru/m/stat/100/6999/> (date of access: 27.03.2021). (in Russian)
2. Adygamov R.K. *Problemy islamskogo prava v nasledii Shigabutdina Mardzhani* [Problems of Islamic Law in the Legacy of Shigabutdin Mardjani]. *Minbar. Islamic Studies*, 2019, № 12(2), pp. 499-510. (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-499-510>
3. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiiskij islam: Ocherki istorii i kultury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. Moscow, IV RAS Publ., 2018, 456 p. (in Russian)
4. Bajazitov A. *Otnoshenie islama k nauke i inovercam* [Attitude of Islam to Science and Gentiles]. Saint Petersburg, Tipografija A.S. Suvorova, 1887, 105 p. (in Russian)
5. Bigiev Musa. *Izbrannye trudy. V dvuh tomah. Tom 1* [Selected Works. In two volumes. Volume 1]. Transl. Kazan, Tatars. Book. Publishing house, 2005, 336 p. (in Russian)
6. Gabdrahim Utyz-Imjani. *Izbrannoe*. Transl. by R.K. Adygamov [Favorites]. Kazan, Tatars. Book. Publishing house, 2007, 320 p. (in Russian).
7. Gazizullin F.G. Aktualnost' trudov Ataully Bajazitova dlja formirovanija tolerantnogo soznanija v sovremennyh uslovijah [The relevance of the works of Ataula Bayazitov for the formation of tolerant consciousness in modern conditions]. *Problemy sovremennoj jekonomiki*, 2013, no. 4 (48), pp. 77-78. (in Russian)
8. Galljamov D.F. Istoricheskie diskursy tjurko-musul'manskoj ideologii vtoroj poloviny XIX – nachalo XX stoletij [Historical discourses of the Turkic-Muslim ideology in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Problemy vostokovedenija*, 2011, no. 2 (52), pp. 90-96. (in Russian)
9. Zakirov D.G. *Religiozno-filosofskie vzglyady Gabdully Bubi (1871-1922)* [Religious and philosophical views of Gabdulla Bubi (1871-1922)]. Cand. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2018, 183 p. (in Russian)
10. Zariipov I.A. Konceptcija islamskogo universiteta Musy Bigieva [The concept of the Islamic University of Musa Bigiev]. *Islam v sovremennom Mire*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 137-144. (in Russian)
11. Ibragim T.K. Islam i odnobokaja modernizacija: "Ne proizoshlo osvobodzhenija ot srednevekov'ja" [Islam and one-sided modernization: "There was no liberation from the Middle Ages"]. *Gosudarstvo, religija, cerkov v Rossii i za rubezhom*, 2017, no. 3 (35), pp. 301-317. (in Russian)
12. *Istorija musul'manskoj mysli v Volgo-Uralskom regione: uchebnoe posobie* [History of Muslim thought in the Volga-Ural region: textbook]. Eds. L.I. Almazova, G.G. Idijatullina, A.G. Hajrutdinov Kazan, Kazan Univ. Publ., 2015, 374 p. (in Russian)
13. Karpenkova T.V. Popytka modernizacii islama v Rossii v XIX – nachale XX vekov [An attempt to modernize Islam in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2009, no. 3 (7), pp. 29-32. (in Russian)
14. Kemper M. *Sufii i Uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskij diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and Scientists in Tatarstan and Bashkortostan. Islamic discourse under Russian domination]. Transl. Kazan, 2008, Russian Islamic University, 655 p. (in Russian)
15. Kerimov M.M., Kerimova B.S., Gadaev V.Ju. Islamskij mir i razvitie duhovnosti obshhestva [The Islamic world and the development of the spirituality of society]. *Islamovedenie*, 2013, no. 1, pp. 20-28. (in Russian)
16. Muhetdinov D.V. Problema vseobshhego spasenija v uchenii Rashida Ridy [The problem of universal salvation in the teachings of Rashid Rida]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 32-45. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-32-45>

17. Trepavlov V. Russkij car v nehristsianskih kultah Rossijskoj imperii [Russian Tsar in non-Christian cults of the Russian Empire]. *Gosudarstvo, religija, cerkov v Rossii i za rubezhom*, 2017, no. 2 (35), pp. 222-240. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-222-240> (in Russian)

18. Shagaviev D.A. Traktovki hadisa o raskole ummy v trudah tatarskih reformatoren islama [Interpretations of the hadith about the split of the Ummah in the works of the Tatar reformers of Islam]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 2013, vol. 155, b. 3, part 2, pp. 127-133. (in Russian)

19. Shangaraev R.R. *Tatarskaja kultura i puti ee modernizacii v trudah Gataully Bajazitova: konec XIX – nachalo XX vv.* [Tatar culture and ways of its modernization in the works of Gataulla Bayazitov: late 19th – early 20th centuries. Cand. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2001, 211 p. (in Russian)

Фатхуллин Рамис Альбертович

*аспирант, кафедра религиоведения,
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Российская Федерация, 420097,
г. Казань, ул. Кремлевская, 35
научный сотрудник, Центр
межрелигиозного диалога
Болгарская исламская академия
Российская Федерация, 422840,
г. Болгар, ул. Кул Гали, 1а
e-mail: ramismuslim@mail.ru*

Fatkhullin Ramis Albertovich

*Postgraduate, Department of Religious
Studies, Institute of Social and Philosophical
Sciences and Mass Communications
Kazan (Volga region) Federal University
35, Kremlyovskaya st., Kazan, 420097,
Russian Federation
Researcher, Interfaith Dialogue Center
Bolgat Islamic Academy
1a, Kul Gali st., Bolgat, 422840, Russian
Federation
e-mail: ramismuslim@mail.ru*

Дата поступления: 22.06.2021

Received: June, 22, 2021